

ВИАЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

НЕВЕСТА БЕЗ ПРАВА
НА КРЫЛЬЯ

Виолетта Весна

Развод с драконом. Невеста без права на крылья

<https://litres.ru/74004779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дамиан Ровенхольд, северный дракон, публично развелся с женой, потому что Совет крыльев назвал ее пустой. Без дара. Без пользы. Без права носить фамилию драконьего рода.

Арина Лисвейн ушла из Зала Крыльев без слез и просьб. Ушла из дома бывшего мужа до заката, оставив ему холодные стены, новую невесту и красивую ложь о том, что именно она восемь лет гасила его силу.

Но в ту же ночь Дамиан попытался обратиться в дракона — и рухнул без крыльев. Оказалось, Арина не была пустой. Ее редкая кровь годами принимала на себя проклятие его рода, пока мужчины Совета называли это браком, долгом и законом. Теперь защита разрушена, древняя ложь выходит наружу, а бывший муж вынужден просить помощи у женщины, которую сам отверг.

Только Арина больше не та тихая жена, которую можно вызвать приказом.

Если Дамиан хочет вернуть крылья, ему придется признать правду перед всем Ауругардом. Если Арина хочет выжить,

ей придется раскрыть силу, которую у нее отнимали с самого рождения.

Содержание

ПРОЛОГ. Женщина без крыльев	5
ГЛАВА 1. Развод под крыльями драконов	20
ГЛАВА 2. Бывшую жену больше не зовут по имени	54
ГЛАВА 3. Дракон, который не смог взлететь	86
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Виолетта Весна

Развод с драконом. Невеста без права на крылья

ПРОЛОГ. Женщина без крыльев

В Зале Крыльев всегда было холодно.

Даже летом, когда над Ауренгардом стоял горячий золотой воздух, когда драконьи башни плавились в мареве, а на площадях торговцы прятали серебряные чаши под навесы, чтобы те не обжигали пальцы, здесь сохранялась стужа. Она лежала в мраморном полу, в высоких черных колоннах, в резных гербах драконьих родов, вывешенных под самым сводом. Стужа не брала тело сразу. Она сначала касалась кожи, потом забиралась под рукава, под ворот, под брачный браслет, туда, где еще несколько минут назад горела чужая фамилия.

Арина Лисвейн стояла в центре зала и старалась не смотреть на людей.

Смотреть было нельзя.

Стоило задержать взгляд на ком-нибудь одном, и лицо превращалось бы в приговор. Старые леди с тонкими губами. Молодые драконьи наследники, пришедшие посмотреть

на развод, будто на редкое представление. Советники в темных мантиях. Служители печатей у серебряной чаши. Женщины из младших родов, которые отводили глаза быстрее мужчин, потому что понимали слишком многое и потому молчали особенно крепко.

Арина смотрела на пол.

На белый мрамор с прожилками серого пепла.

На круг брачной печати, вырезанный в камне.

На собственные руки, сложенные перед собой так спокойно, будто это была не она.

Браслет на ее левом запястье тихо потрескивал. Тонкий обруч из темного драконьего золота восемь лет носил фамилию Ровенхольдов. Не имя Арины — нет. Ее имя в браке никого особенно не интересовало. На браслете горела принадлежность: жена лорда Дамиана Ровенхольда, северного дракона, наследника холодного огня, законная супруга по решению Совета крыльев.

Теперь буквы на металле чернели.

Сначала исчезла первая.

Потом вторая.

Потом вся фамилия, которую ей позволили носить не из милости, а по договору.

Арина не дрогнула.

Она уже знала: если дрогнет сейчас, зал запомнит не несправедливость, а ее слабость.

Перед ней, по другую сторону круга, стоял Дамиан.

Высокий, неподвижный, в темном камзоле северного кроя. Серебряная застежка у горла была выполнена в форме крыла, но сама линия плеч казалась слишком жесткой, будто он держал на себе не одежду, а доспех. Черные волосы убраны назад, лицо спокойное, холодное, красивое той породистой красотой, которую у драконов ценили почти так же, как силу. Не мальчишеская привлекательность, не мягкость — нет. В нем была порода скал и зимнего неба. Резкие скулы, тяжелый взгляд, прямой рот.

Когда-то Арина думала, что за этим холодом есть глубина.

Потом поняла: глубина есть у колодца, но это не значит, что он даст воды тому, кто умирает от жажды.

Дамиан не смотрел ей в глаза.

И это было почти милосердно.

Справа от него стояла Мирена Острейл. Белое платье, белые перчатки, белая лента в волосах. Безупречная кандидатка. Таких женщин в Совете называли правильными: правильная кровь, правильное воспитание, правильный дар, правильная улыбка. Мирена держала руки легко, не сцепляя пальцы, и казалась частью обряда, а не его причиной.

Арина не ненавидела ее.

Ненависть требовала слишком много сил.

Арина просто отметила, что Мирена выбрала платье цвета брачной печати. Не вдовьего молчания, не скромной тени, не нейтрального серого. Белое пламя будущей жены. Еще до окончания развода она уже стояла в зале так, будто место

рядом с Дамианом освободили специально для нее.

— Арина Лисвейн, рожденная младшей ветвью рода Лисвейнов, — произнес служитель печатей.

Голос у него был сухой, как старая бумага.

Арина подняла голову.

Фамилию отца ей вернули до того, как сняли фамилию мужа. Все было законно. В Ауренгарде закон умел быть особенно изящным, когда нужно было оставить женщину без защиты.

— Вы признаете расторжение брачного союза с лордом Дамианом Ровенхольдом, заключенного восемь лет назад в этом зале по воле Совета крыльев и с согласия родов?

Согласие.

Какое красивое слово для подписей, поставленных старшими мужчинами за закрытыми дверями.

Арина вспомнила себя семнадцатилетней: тонкие запястья, слишком тяжелое платье, чужая фамилия, которую ей надели как украшение и ошейник одновременно. Она тогда верила, что брак с драконом может стать шансом. Не счастьем — она не была настолько глупа. Но шансом. На положение. На защиту. На дом, где ее перестанут измерять приданым и слабой кровью.

Восемь лет спустя она стояла в том же круге и понимала: иногда клетка так долго притворяется крышей, что ты начинаешь благодарить ее за тень.

— Признаю, — сказала Арина.

Голос прозвучал ровно.

Слишком ровно для женщины, которую только что вычеркивали из рода.

По залу прошло едва заметное движение. Разочарование. Они ждали слез. Дрожи. Просьбы. Может быть, скандала. Разведенная жена без дара, без детей, без родовой защиты, без права на фамилию драконьего супруга — разве не должна она цепляться за край чужого плаща?

Арина никому ничего не подарила.

Ни слезы.

Ни крика.

Ни унижения, которое потом будут пересказывать за ужином.

Служитель повернулся к Дамиану.

— Лорд Дамиан Ровенхольд, северный дракон, глава рода Ровенхольдов, признаете ли вы расторжение брачного союза с Ариной Лисвейн?

Дамиан поднял взгляд.

На миг их глаза встретились.

Темно-серые, почти стальные. Когда-то она различала в них оттенки: усталость после совета, злость после дурных вестей, редкое тепло в ночь, когда северный ветер разбил окна в галерее, а он собственноручно закрыл ее своим плащом, будто это было естественно. Потом все это исчезло. Осталась сталь.

— Признаю, — сказал он.

Ни запинки.

Ни сожаления.

Арина заставила себя вдохнуть.

Не глубоко. Глубокий вдох был бы заметен.

Служитель печатей опустил серебряный нож в чашу с белым огнем. Пламя вспыхнуло без дыма, без жара, но все в зале отступило на полшага. Даже драконы уважали огонь, который умел жечь не кожу, а связи.

— Причина расторжения, — произнес служитель.

— Несоответствие брачной силы. Отсутствие дара у супруги. Ослабление родовой печати северного дракона в период брака.

Вот оно.

Слова, ради которых их и собрали.

Арина знала, что это прозвучит. Ей прислали копию заключения три дня назад — без подписи Дамиана, но с печатью Совета. Она перечитала его один раз. Потом сожгла в камине. Потом долго стояла у окна и смотрела, как пепел ложится на подоконник, серый и легкий.

Отсутствие дара.

Ослабление родовой печати.

Будто восемь лет она была не женой, а трещиной в его силе.

Будто каждую ночь, когда Дамиан возвращался из закрытых залов бледный от боли и злой от собственного бессилия, это она забирала у него крылья.

Будто она хотела жить рядом с мужчиной, который все больше отдалялся и все холоднее смотрел, потому что вокруг него шептали: пустая кровь гасит дракона.

— Печать расторжения будет наложена немедленно, — сказал слугитель.

Слева кто-то тихо вздохнул.

Арина не повернула головы.

К ней подошли двое младших магов. Один держал раскрытую книгу брачных записей. Другой — серебряные щипцы для браслета. В обычном разводе достаточно было снять обруч с запястья и погасить фамилию. Но развод с драконом всегда был публичным. Драконьи роды любили делать из личного конца государственную церемонию.

Маг с щипцами остановился перед Ариной.

— Руку, леди.

Он запнулся на последнем слове.

После развода она уже не леди Ровенхольд. Но пока браслет еще не снят, он не знал, как назвать ее безопасно.

Арина протянула левую руку.

Пальцы не дрожали.

Браслет обжег кожу, когда щипцы коснулись металла. Не сильно. Достаточно, чтобы тело захотело отдернуться. Арина не позволила себе этого. Она смотрела на лицо мага и видела, как ему неприятно. Не жаль ее — нет. Просто неприятно быть так близко к чужому падению.

Серебряные щипцы сомкнулись.

На браслете вспыхнули последние буквы фамилии Ровенхольд.

Дамиан сделал движение.

Почти незаметное.

Будто хотел шагнуть вперед, но вовремя вспомнил, где находится и зачем пришел.

Арина увидела это краем глаза и отвернулась первой.

Не надо.

Не сейчас.

Не после того, как он молчал на всех заседаниях Совета. После того, как не оспорил заключение. После того, как позволил произнести вслух, что она была причиной его слабости. После того, как Мирена Острейл вошла в дом Ровенхольдов до того, как Арина из него вышла.

Браслет треснул.

Тонкий звук разошелся по залу неожиданно громко.

Арина почувствовала боль — короткую, белую, как вспышка молнии под кожей. Металл раскрылся на ее запястье, оставив красный след. Фамилия исчезла окончательно. Там, где восемь лет горели буквы чужого рода, теперь осталась пустая полоса кожи.

Свободная.

Беззащитная.

Одинаково.

— Брачный союз расторгнут, — произнес служитель.

Гербы под сводом будто качнулись в неподвижном возду-

хе.

Мирена чуть опустила ресницы.

Дамиан стоял так же прямо.

Вирен Салкрофт, глава брачного совета, наблюдал с верхней ступени, положив ладонь на набалдашник трости. Высокий сухой мужчина в темно-синей мантии, с серебряными висками и лицом, на котором доброжелательность была вырезана так тщательно, что казалась частью маски.

Он первым сделал шаг вперед.

— Совет крыльев выражает благодарность Арине Лисвейн за годы, проведенные в брачном союзе с родом Ровенхольдов.

Благодарность.

Арина едва не улыбнулась.

Слово было так же пусто, как чаша после выпитого яда.

— В соответствии с законом, — продолжил Вирен, — после расторжения брака вы теряете право на имя, покровительство, имущество и защиту рода Ровенхольдов. Ваше личное содержание будет определено отдельным решением через три рабочих дня. До тех пор вы обязаны покинуть резиденцию бывшего супруга до заката.

Бывшего супруга.

До заката.

Три рабочих дня.

Чужая жизнь в устах закона всегда звучала аккуратно.

— Я поняла, лорд Салкрофт, — ответила Арина.

— Также Совет напоминает, что вы не вправе использовать знак Ровенхольдов, обращаться к слугам их дома, входить в северное крыло резиденции и представляться супругой дракона.

— Я запомню.

Она сказала это спокойно.

Вирен улыбнулся чуть шире.

— Ваша выдержка достойна уважения.

Нет, подумала Арина. Просто вам не достанется мое унижение.

Но вслух не сказала.

Пока.

Дамиан все еще молчал.

И это молчание становилось громче любых слов.

Арина хотела, чтобы он был жесток. Так было бы проще. Если бы он сказал что-то холодное, окончательное, почти грубое, она смогла бы забрать эту фразу с собой, как нож. Держать ее в ладони, вспоминать боль и не оглядываться.

Но он молчал.

Его молчание не давало злости стать чистой.

Оно оставляло место для того, чего Арина не хотела: для памяти.

Как он однажды нашел ее в библиотеке после приема, когда две леди из старших родов обсуждали, что пустая жена северного дракона — это политическая ошибка. Дамиан тогда не сказал ей ни слова утешения. Просто на следующий

день обеих леди удалили из списка приглашенных на зимний бал.

Как он в первый год брака оставил у ее двери чашку горячего травяного настоя, когда решил, что она спит и не узнает.

Как однажды, совсем давно, спросил:

— Тебе страшно в моем доме?

И она ответила:

— Нет.

Хотя было страшно.

Хотя не дома она боялась, а того, что однажды он перестанет видеть в ней человека и увидит только неудобную строчку в договоре.

Этот день настал.

— Вы свободны, Арина Лисвейн, — сказал служитель печатей.

Свободны.

Слово ударило сильнее, чем снятый браслет.

Арина поклонилась. Не низко. Ровно настолько, насколько требовал закон. Сначала Совету, потом Дамиану, потом залу. Она чувствовала взгляды на своей спине, на пустом запястье, на темном платье без родового знака. Ей вдруг захотелось снять перчатки и бросить их на мрамор. Захотелось сказать, что за восемь лет брака она научилась различать запах лжи лучше, чем дракон различает дым. Захотелось спросить Дамиана, когда именно он решил, что чужие голоса знают ее лучше, чем он сам.

Она ничего не сказала.

Потому что в этом зале каждое ее слово стало бы либо просьбой, либо дерзостью.

А ей нужно было уйти человеком.

Не обломком чужого решения.

Арина повернулась.

До дверей было тридцать семь шагов.

Она знала это, потому что считала их в день свадьбы, чтобы не смотреть на мужчин, решавших ее судьбу. Тогда путь к центру зала казался бесконечным. Теперь путь наружу оказался еще длиннее.

Раз.

Два.

Три.

Каблуки касались мрамора тихо, но в тишине Зала Крыльев каждый шаг звучал отчетливо.

На десятом шаге кто-то шепнул:

— Даже не плачет.

На одиннадцатом другой голос ответил:

— Пустые редко чувствуют глубоко.

Арина не остановилась.

На семнадцатом шаге она прошла мимо Мирены. Та слегка повернула голову.

— Мне жаль, — тихо сказала Мирена.

Слова были безупречны.

Тон — тоже.

Арина впервые за весь обряд посмотрела на нее прямо.

— Нет, — сказала она так же тихо.

— Но вы хорошо это произнесли.

Мирена побледнела на полтона.

Этого хватило.

Арина пошла дальше.

На двадцать втором шаге за ее спиной раздался голос Дамиана:

— Арина.

Зал замер.

Она тоже.

Только на одно мгновение.

Не обернулась.

Если он хотел сказать что-то достойное, у него было восемь лет. Если хотел остановить — все заседания Совета. Если хотел защитить — весь сегодняшний день до того, как серебряный нож коснулся огня.

Теперь ее имя в его голосе было не правом.

Только запоздалой привычкой.

— Лорд Ровенхольд, — мягко сказал Вирен Салкрофт.

— Обряд завершен.

Дамиан больше ничего не сказал.

Арина продолжила идти.

Двадцать восемь.

Тридцать.

Тридцать пять.

У самых дверей стоял молодой стражник в форме Совета. Он поспешно открыл тяжелую створку, не поднимая глаз. За дверями тянулся длинный коридор из серого камня. Там не было гербов. Не было свидетелей. Только узкие окна, через которые падал дневной свет, и пыль, медленно кружащаяся в воздухе.

Арина вышла из круга власти так же тихо, как когда-то вошла в него.

И только за порогом позволила себе вдохнуть полной грудью.

Воздух за дверями оказался теплым.

Обычным.

Пахнувшим камнем, воском и дальним дождем.

Она сделала еще шаг.

И остановилась.

Под ее ногами, на сером мраморе коридора, остался след.

Тонкий серебряный отпечаток. Не грязь, не пепел, не отблеск света. След точно повторял форму ее каблука и светился изнутри, будто под камнем пробежала живая нить.

Арина посмотрела на него, не понимая.

След не исчез.

Наоборот — рядом с первым проявился второй, там, где она стояла мгновение назад. Серебро медленно впитывалось в прожилки мрамора, расходилось тончайшими линиями, похожими на кровь под кожей. Только кровь не серебряная. И обычная магия не просыпается после развода.

Арина опустила взгляд на левое запястье.

Красный след от браслета уже не был просто ожогом.

По коже, там, где исчезла фамилия Ровенхольдов, проступила тонкая серебряная линия. Она не образовывала знак. Не складывалась в герб. Не принадлежала ни одному роду из тех, что Арина знала.

Линия дрогнула.

Как живая.

Из-за двери донесся приглушенный голос Вирена Салк-рофта:

— Лорд Ровенхольд, Совет ожидает вашей подписи под новым брачным намерением.

Арина медленно сжала руку в кулак.

Серебряная линия исчезла под рукавом.

Она не знала, что это значит.

Не знала, почему мрамор запомнил ее шаг.

Не знала, почему снятая фамилия оставила после себя не пустоту, а свет.

Но впервые за весь день холод внутри нее отступил.

Совсем немного.

На один вдох.

Арина Лисвейн подняла голову и пошла по коридору прочь от Зала Крыльев.

За ее спиной двери закрылись.

А на мраморе остался серебряный след женщины, которую только что называли пустой.

ГЛАВА 1. Развод под крыльями драконов

Дом Ровенхольдов не был домом в обычном смысле.

Ауренгард знал дворцы с золотыми крышами, резиденции, где стены расписывали родовыми победами, особняки младших семейств с белыми лестницами и садами за стеклом. Дом Ровенхольдов не украшал себя ради чужого восхищения. Он стоял на северном уступе столицы, тяжелый, темный, с башнями, похожими на обломки горного хребта. В его окнах редко горел мягкий свет. Здесь предпочитали холодные лампы, прямые линии и тишину, в которой каждый шаг звучал как разрешение или запрет.

Когда Арина вернулась туда после развода, главные ворота открылись перед ней без задержки.

Стража уже знала.

Конечно, знала.

В таких домах слухи не бегали — их отправляли впереди экипажей, завернутыми в вежливые распоряжения.

Кучер остановил карету у нижних ступеней. Дождь, обещанный серым небом еще у Зала Крыльев, наконец начался. Не сильный, но частый, колкий, почти северный. Он сразу осел на рукавах, на волосах, на дорожной пыли у колес. Арина несколько секунд сидела неподвижно, глядя на широкие

двери, через которые восемь лет входила как хозяйка приемов, супруга главы рода, женщина с фамилией, которую теперь сожгли на ее коже.

Рядом на сиденье лежали снятые перчатки.

Левое запястье она прикрыла манжетом.

Серебряная линия больше не проступала. След исчез так быстро, что Арина почти убедила себя: ей показалось. Перегоревшая печать, боль, холод зала, слишком много чужих глаз — все это могло заставить увидеть что угодно.

Только вот мрамор под ее ногами светился.

Она это видела.

И страх от этого был странный: не острый, не детский, не похожий на ужас. Скорее на тихое понимание, что дверь, которую всю жизнь считали стеной, вдруг приоткрылась. А за ней не сад и не спасение. За ней темный коридор, и конца его не видно.

— Леди? — осторожно позвал кучер.

Он тоже запнулся.

Арина усмехнулась краем губ.

За один день она стала женщиной, к которой никто не знал, как обращаться.

— Уже не леди Ровенхольд, — сказала она.

Кучер побледнел так искренне, что ей стало почти жаль его.

— Простите, госпожа.

Госпожа.

Слово было безопасным. Пустым, как коридор без портретов.

Арина взяла перчатки, поднялась и позволила открыть дверцу. Дождь коснулся лица. Холодный, честный. В нем не было ни жалости, ни осуждения, ни осторожных взглядов. Только вода.

Она вышла из кареты сама, не дожидаясь поданной руки.

На верхней ступени у входа стоял управляющий дома, мастер Келвин. Седой, тонкий, в черном сюртуке, который сидел на нем так строго, будто был частью службы, а не одеждой. За его спиной выстроились две горничные и лакей. Никто из них не смотрел прямо на Арину.

До утра они кланялись ей как хозяйке.

К закату будут спрашивать разрешения у другой женщины.

— Госпожа Лисвейн, — произнес управляющий.

Вот и все.

Фамилия вернулась к ней не как родной плащ, а как старое платье, из которого она давно выросла.

— Мастер Келвин.

Он поклонился.

— По распоряжению лорда Ровенхольда ваши вещи будут собраны и доставлены в указанное вами место.

Арина поднялась еще на одну ступень.

— Я соберу их сама.

— Боюсь, в северное крыло...

— Мои покои не в северном крыле, — перебила она спокойно.

— Их перенесли из северного крыла три года назад. Вы сами подписывали распоряжение.

Келвин замолчал.

Он помнил. Конечно, помнил. В этом доме помнили все, что касалось приказов Дамиана. Просто некоторые вещи было удобнее считать несущественными.

Три года назад Дамиан перевел ее спальню из семейной части резиденции в восточную галерею под предлогом ремонта. Ремонт закончился через месяц. Арина обратно не вернулась. Никто не пригласил.

— Разумеется, — сказал управляющий.

— Я распоряжусь, чтобы вам не мешали.

— Не нужно распоряжаться. Просто не мешайте.

Слова прозвучали тише, чем она ожидала. Но Келвин услышал.

Впервые за долгое время она сказала в этом доме не просьбу.

Она вошла внутрь.

Вестибюль встретил ее запахом мокрого камня, воска и хвои. Слуги убрали лишние цветы еще утром. На стенах висели знамена Ровенхольдов: серебряное крыло на темно-синем поле. Раньше Арина проходила мимо них, не думая. Теперь каждый знак казался чужим глазом.

У подножия лестницы стояли два сундука.

Не ее.

Слишком новые. С белыми ремнями. На крышке одного лежал плащ с вышитой эмблемой Острейлов.

Мирена уже прислала вещи.

Еще до того, как Арина собрала свои.

Смешно.

Нет, даже не смешно. Поучительно.

Арина задержала взгляд на белом плаще. Ткань была дорогая, плотная, светлая настолько, что казалась вызывающей в темном холле Ровенхольдов. На серебряной застежке блестяли два раскрытых крыла.

У Мирены было право носить крылья.

Даже пока она не стала женой.

А у Арины теперь не было права даже на фамилию, которую у нее забрали при свидетелях.

С верхней площадки донеслись шаги.

Арина подняла глаза.

Мирена Острейл спускалась по лестнице, придерживая рукой перила. Уже не в церемониальном платье, а в другом — светло-сером, почти домашнем, но слишком изящном для женщины, которая якобы только заехала с визитом. Белые волосы, уложенные мягкой волной, оттеняли лицо так умело, будто она заранее выбрала свет лестничных ламп.

— Госпожа Лисвейн, — сказала Мирена.

Вежливо.

Безупречно.

Арина заметила, как одна из горничных вздрогнула от этого обращения. Еще утром та приносила Арине чай.

— Леди Острейл, — ответила Арина.

Мирена остановилась на последней ступени.

— Я не хотела, чтобы вы увидели мои вещи здесь так скоро. Их должны были отнести в гостевые покои.

— Конечно.

— Это правда.

— Я вам верю.

Мирена чуть прищурилась, пытаясь понять, есть ли в ответе насмешка.

Насмешки не было.

Арина действительно ей верила. Вещи могли принести слуги. Или Вирен Салкрофт распорядился. Или Дамиан не подумал. В этом доме все самые болезненные вещи часто происходили именно так: не из жестокого умысла, а потому что никто не считал чувства Арины достаточно важными для учета.

— Мне жаль, что день вышел таким, — сказала Мирена.

— Развод редко устраивают для приятных воспоминаний.

— Я не ваш враг.

Арина посмотрела на нее.

Мирена стояла красиво. Немного печально. Не слишком виновато — это выглядело бы фальшиво. Не слишком уверенно — это раздражало бы. Она точно знала, какую позу должна принять женщина, занявшая место другой, чтобы не

показаться победительницей слишком рано.

— Тогда не стойте на моей лестнице, пока я собираю вещи, — сказала Арина.

По лицу Мирены прошла тень.

Келвин резко опустил глаза.

Горничные замерли так, будто кто-то достал оружие.

Арина сама удивилась сказанному. Не словам — они были простыми. Тому, как легко они вышли. Восемь лет она подбирала каждую фразу так, чтобы не задеть род, не поставить Дамиана в неловкость, не дать Совету повод назвать ее неблагодарной. Оказалось, после развода можно говорить короче.

Мирена убрала руку с перил.

— Вы устали. Я понимаю.

— Нет, — сказала Арина.

— Не понимаете.

Но вам очень нужно так думать.

Она прошла мимо.

Никто ее не остановил.

Восточная галерея встретила тишиной.

Здесь окна выходили не на сад, а на узкий внутренний двор, где редко бывали гости. В первые месяцы после переселения Арина ненавидела этот вид: каменные плиты, колодец без воды, чахлое дерево у стены. Потом привыкла. Потом даже полюбила за отсутствие торжественности. Никто не устраивал приемы во внутреннем дворе. Никто не требовал

от нее улыбаться окнам.

Дверь ее комнат была приоткрыта.

Это остановило Арину сильнее, чем белые сундуки внизу.

Она точно помнила: уходя утром, закрыла дверь.

В комнате кто-то был.

Арина толкнула створку.

У камина стояла Ливия, ее горничная. Молодая женщина с темными волосами, всегда собранными в плотный узел, и лицом, которое умело оставаться спокойным даже во время родовых скандалов. На кресле лежали раскрытые дорожные мешки. На кровати — платья, белье, книги, шкатулка с письмами, три флакона духов, которыми Арина почти не пользовалась.

Ливия обернулась и побледнела.

— Простите, госпожа. Мне приказали начать сборы.

Арина посмотрела на вещи.

Чужие руки уже перебрали ее жизнь.

Не украли. Не испортили. Просто взяли право касаться.

На комодe стояла маленькая фарфоровая птица с отколотым крылом. Подарок Дамиана на вторую зиму брака. Точнее, не подарок. Он привез ее из поездки и сказал:

— В лавке уверяли, что это редкость. Можете поставить где хотите.

Можете.

Она тогда решила, что для него это почти нежность.

Теперь птица лежала на боку возле стопки носовых плат-

КОВ.

— Кто приказал? — спросила Арина.

Ливия сжала руки.

— Управляющий сказал, распоряжение от лорда.

Конечно.

Даже ее уходом распорядились вместо нее.

Арина медленно сняла плащ и повесила его на спинку кресла.

— Выньте все обратно.

— Госпожа?

— Все. Обратно.

— Но мастер Келвин сказал, что вещи должны быть готовы до заката.

— Мастер Келвин может собрать собственные вещи до заката, если ему так нравится. Мои я соберу сама.

Ливия несколько секунд смотрела на нее, а потом вдруг кивнула слишком быстро.

— Да, госпожа.

Она начала вынимать платья из мешка. Осторожно, почти торопливо. Арина подошла к комоду, взяла фарфоровую птицу и провела большим пальцем по отколотому крылу.

На крыле была старая трещина.

Она появилась не сегодня.

И все же сегодня казалась особенно уместной.

— Вам есть куда ехать? — тихо спросила Ливия.

Вопрос прозвучал с таким простым человеческим участи-

ем, что Арина на мгновение закрыла глаза.

Вот от этого хотелось плакать.

Не от зала. Не от Дамиана. Не от белых сундуков Мирены.

От того, что единственный человек в этом доме спросил не о распоряжениях, а о ней.

— Да, — сказала Арина.

Это было почти правдой.

У нее была снятая на три дня комната при архиве брачных договоров. Не дом. Не убежище. Узкая комнатка с железной кроватью, письменным столом и окном на соседнюю стену. Зато там никто не имел права входить без стука.

— Я могу пойти с вами, — сказала Ливия.

Арина повернулась.

— Что?

Горничная покраснела, но взгляда не отвела.

— Если вам нужна служанка. Или не служанка. Просто... кто-нибудь. Я умею вести счета, чинить платья, готовить простые отвары.

И молчать умею.

— Ливия, ты служишь дому Ровенхольдов.

— Я служила вам.

Это было сказано без красивости, без театральной преданности. Потому и ударило под ребра.

Арина опустила фарфоровую птицу в шкатулку.

— Я не смогу платить тебе так, как платят здесь.

— Я знаю.

— И защитить тебя тоже не смогу.

— Здесь меня тоже некому защитить, если новая госпожа решит, что я слишком долго подавала чай старой.

Старая госпожа.

Арина вдруг рассмеялась.

Тихо, коротко, почти хрипло. Смех вышел не веселый, но живой. Ливия тоже улыбнулась, и в комнате стало чуть легче дышать.

— Тогда собирай не мои вещи, а свои, — сказала Арина.

— Только быстро. Я не хочу оставаться здесь до заката.

— Да, госпожа.

Ливия повернулась к двери, но остановилась.

— Госпожа Арина?

— Что?

— Вы правда ничего не чувствуете?

Вопрос был слишком прямым.

Арина могла бы ответить привычно. Что все в порядке. Что она устала. Что не стоит беспокоиться. Восемь лет такие ответы держали ее лицо ровным, дом — мирным, а чужих людей — на удобном расстоянии.

Она посмотрела на пустое место на запястье.

Красный след от браслета стал тоньше. Но под кожей будто таилась серебряная искра.

— Чувствую, — сказала она.

— Просто не хочу, чтобы они это увидели.

Ливия кивнула так, будто поняла больше, чем было ска-

зано, и вышла.

Арина осталась одна.

Только теперь комната позволила себе стать чужой.

Раньше она была тесной, неудобной, ссыльной, но все-таки ее. Здесь стояли книги, которые она выбирала сама. На подоконнике — чашка с трещиной, которую Дамиан однажды хотел выбросить, а она оставила назло. В шкафу — три платья темных оттенков, купленных не по совету старшей экономки, а потому что Арине нравилось, как тяжелая ткань ложится на плечи. На столе — перо, чернила, стопка заметок по брачным законам. Она читала их тайком не потому, что собиралась разводиться. Просто ей всегда казалось странным жить внутри закона и не знать, из каких прутьев он сделан.

Теперь это пригодилось.

Она подошла к письменному столу.

Сверху лежала папка с документами о расторжении брака. Ее доставили утром, пока Арина была в Зале Крыльев. На первой странице стояла печать Совета. Ниже — аккуратная строка:

«Причина: магическое несоответствие супруги уровню родовой силы дракона».

Арина взяла лист.

Пальцы сжались сами.

Магическое несоответствие.

Так они называли годы, когда она просыпалась среди ночи

от странного давления в груди. Когда на коже без причины проступали серебристые пятна и исчезали до утра. Когда в комнате Дамиана за стеной глухо рычало что-то огромное, раненое, запертое, а утром он выходил к завтраку с лицом, на котором не было ни боли, ни объяснений.

Она думала, так бывает у драконов.

Они все были опасны. Сильны. Скрытны. Связаны со своими родами так крепко, что простому человеку не дано понять.

Простому.

Пустому.

Бездарному.

Арина медленно положила документ обратно.

Потом открыла нижний ящик стола и достала тонкую тетрадь в серой обложке.

В ней не было дневника. Дневники в домах драконов заводили только глупые женщины или те, кому нечего терять. Арина не относилась ни к первым, ни ко вторым.

В тетради были выписки.

Статьи брачного закона. Правила защиты разведенных женщин. Устаревшие поправки. Особые случаи расторжения союзов между драконьими родами и младшими ветвями. Пометки на полях. Вопросы. Даты.

Она положила тетрадь в дорожную сумку первой.

Платья можно потерять.

Знание — нет.

За дверью послышались тяжелые шаги.

Не Ливия.

Не управляющий.

Арина знала эти шаги лучше, чем хотела бы.

Дамиан остановился на пороге, не входя.

Это тоже было запоздалое уважение. Раньше он входил в ее комнаты редко, но без вопроса. Как хозяин дома. Как муж. Как человек, которому никогда не объясняли разницу между правом и близостью.

Теперь стоял за порогом.

— Можно?

Арина посмотрела на него поверх раскрытой сумки.

Вот и новая странность дня.

Лорд Дамиан Ровенхольд спрашивал разрешения войти в комнату бывшей жены.

— Зачем? — спросила она.

Он чуть напрягся.

Не привык.

В его мире на «можно?» обычно отвечали «да, милорд».

— Нужно поговорить.

— О чем?

— Арина.

Она улыбнулась без радости.

— Имя вы уже произносили сегодня в зале. Ничего хорошего за ним не последовало.

Дамиан вошел.

Не дождавшись разрешения.

Конечно.

Привычки не ломаются за один развод.

Он закрыл дверь за собой, но остался возле нее, словно расстояние могло сделать разговор честнее. На нем все еще был тот самый темный камзол. Только серебряную застежку у горла он расстегнул, и это почему-то делало его менее официальным. Более живым. Более опасным для ее выдержки.

— Я не хотел, чтобы твои вещи собирали без тебя, — сказал он.

Арина взяла со стола флакон чернил, проверила крышку и положила в деревянный футляр.

— Но приказ отдали.

— Я сказал Келвину, чтобы помогли.

— Помощь предполагает вопрос.

Он молчал.

Она подняла глаза.

— Ты хотел поговорить о вещах?

— Нет.

— Тогда говори быстрее. Мне нужно покинуть резиденцию до заката. Так сказали в Совете. Кажется, ты присутствовал.

Его лицо осталось неподвижным, но по взгляду прошла тень.

— Я не хотел, чтобы все было так.

Арина замерла.

Фраза была хуже, чем молчание.

Потому что в ней почти было сожаление. И совсем не было ответственности.

— Как именно? — спросила она.

— Публично? Законно? Удобно? С новой невестой у твоего плеча?

— Мирена не моя невеста.

— Еще нет.

— Это решение Совета.

— Как и наш развод?

Дамиан сделал шаг вперед.

— Ты знаешь, что не все так просто.

Арина закрыла сумку.

Щелчок застежки прозвучал резко.

— Нет, Дамиан. Я знаю только то, что сегодня услышала в Зале Крыльев. Что я восемь лет была несоответствием. Что моя кровь гасила твою силу. Что твой род благодарит меня за службу и просит освободить помещение до заката. Если есть сложная часть, ты почему-то решил оставить ее при себе.

Он отвел взгляд к окну.

Дождь стекал по стеклу тонкими линиями. За ним внутренний двор казался еще более пустым.

— Совет уверен, что брачная печать была ошибкой.

— Совет уверен во всем, что ему выгодно.

— Арина.

— Нет.

— Она подняла руку, останавливая его.

— Сегодня мое имя не должно звучать так, будто ты устал от моей непонятливости.

В его глазах мелькнула злость.

Знакомая.

Раньше Арина отступила бы. Не физически — внутренне. Смягчила бы голос, объяснила бы, что не хотела задеть, дала бы ему возможность остаться правым.

Сегодня она стояла на месте.

Дамиан заметил.

— Ты говоришь со мной иначе, — сказал он.

— Я больше не твоя жена.

Эти слова упали между ними тяжело.

Арина сама почувствовала их вес.

Дамиан тоже.

Он посмотрел на ее левое запястье. Манжет чуть съехал, открывая красную полосу от браслета. Его лицо на миг изменилось — так быстро, что другой не заметил бы. Арина заметила. Умение читать редкие трещины на его лице было одним из самых бесполезных навыков, приобретенных за восемь лет.

— Тебе больно? — спросил он.

Смешно.

Он спросил это после того, как боль закончилась.

— Уже нет.

— Печать не должна была оставить ожог.

— Можешь подать жалобу в Совет.

Они наверняка огорчатся.

— Не надо.

— Что не надо?

— Говорить так.

Арина посмотрела на него почти с любопытством.

— Как?

— Будто я твой враг.

— А кто ты?

Вопрос вышел тихим.

Дамиан не ответил сразу.

И в этой паузе было все, что она устала понимать за него.

Он не считал себя врагом. Конечно, нет. Мужчины вроде Дамиана редко считают себя виновными в разрушениях, если разрушали не из злобы, а по необходимости. Они просто выбирают долг, род, силу, закон, решение Совета. А женщина потом собирает осколки и должна признать: обстоятельства были сложными.

— Я не хотел тебе вреда, — сказал он наконец.

Арина кивнула.

— В этом и беда.

Он резко вдохнул.

— Что это значит?

— Если бы ты хотел вреда, я бы хотя бы знала, как тебя ненавидеть.

Дамиан смотрел на нее так, будто впервые видел не быв-

шую жену, а человека, говорящего на языке, которого он не успел выучить.

За дверью кто-то остановился. Потом тихо постучал.

Арина не сразу отвела взгляд от Дамиана.

— Войдите.

Дверь приоткрылась. На пороге появилась Ливия с небольшой сумкой в руках. Увидев Дамиана, она побледнела, но не отступила.

— Простите, госпожа. Я собрала свое.

Дамиан повернул голову.

— Свое?

Ливия присела в поклоне.

— Я ухожу с госпожой Лисвейн, милорд.

Тишина стала плотной.

Арина увидела, как Дамиан понял: уход Арины перестает быть обрядом и становится настоящим. Из его дома выносят не только платья бывшей жены. Из него уходит человек, который выбирает ее сторону.

— Ты служишь Ровенхольдам, — сказал он.

Голос был ровный, но холоднее прежнего.

Ливия побледнела еще сильнее.

Арина шагнула вперед.

— Нет.

Она служила мне.

И уходит по собственному желанию.

Дамиан посмотрел на нее.

— Ты забираешь прислугу?

— Я забираю человека, который сам решил уйти.

— Ты не сможешь содержать штат.

— Она не штат.

Он замолчал.

Ливия стояла ни жива ни мертва.

Арина вдруг поняла, что устала. Не физически, хотя день был длинным. Она устала объяснять очевидное тем, кто привык видеть в людях функции. Жена. Служанка. Невеста. Глава рода. Печать. Договор. Кровь.

— Ливия, — сказала она мягко, — подожди меня у лестницы.

— Да, госпожа.

Горничная исчезла.

Дамиан проводил ее взглядом.

— Ты уедешь в дом Лисвейнов?

— Нет.

— Тогда куда?

— Тебя это больше не касается.

Он резко повернулся.

— Ты разведенная женщина без родовой охраны. Это касается хотя бы твоей безопасности.

— Моя безопасность перестала быть заботой Ровенхольдов примерно тогда, когда ваш Совет объявил меня причиной твоей слабости.

— Это не мой Совет.

Арина почти улыбнулась.

— Сегодня он говорил твоим голосом.

Дамиан дернулся так, будто она ударила его.

Не сильно. Но точно.

Ей не стало легче.

Это было неприятное открытие: причинить боль тому, кто причинил ее тебе, не всегда приносит удовлетворение. Иногда просто добавляет в комнату еще одну трещину.

— Я подпишу распоряжение о содержании, — сказал он.

— Не то, что предлагает Совет. Больше. Достаточно, чтобы ты могла...

— Нет.

— Арина.

— Нет, Дамиан.

— Это не милость.

— Именно она.

— Это компенсация.

— За что?

— Она сделала шаг к нему.

— За ошибочный брак?

За отсутствие дара?

За восемь лет, после которых мне предложили покинуть дом до заката? Как ты назовешь эту сумму в распоряжении?

Плата за тишину?

За достойное поведение?

За то, что бывшая жена северного дракона не устроила

сцену?

— Ты знаешь, что я не это имел в виду.

— Я слишком долго жила на том, что ты «не это имел в виду».

Он сжал челюсти.

За окном глухо ударил гром.

На миг комната озарилась серым светом. В этом свете Дамиан выглядел старше. Усталее. И почти не таким неприступным, каким его привыкли видеть в Совете.

Почти.

— Возьми хотя бы охрану, — сказал он.

— Нет.

— Это уже упрямство.

— Это уже свобода.

Слово снова прозвучало странно.

Свобода.

Она не была похожа на крылья. Скорее на землю под ногами после долгой качки. Непривычная. Неровная. Без гарантий. Но своя.

Дамиан посмотрел на сумки.

— Ты ничего не оставишь?

Арина обвела взглядом комнату.

Здесь оставалось много. Мебель, купленная родом. Книги из библиотеки Ровенхольдов. Тяжелые портьеры. Кровать, на которой она слишком часто просыпалась одна. Стол, за которым научилась читать законы, потому что разговоров ей

не давали. Стены, впитавшие ее молчание.

— Оставлю, — сказала она.

— Все, что было твоим.

Он хотел ответить.

Не успел.

Снизу раздался звон разбитого стекла.

Потом резкий женский голос Мирены:

— Осторожнее!

Дамиан мгновенно повернулся к двери.

Арина тоже вышла в коридор.

Внизу, в холле, один из белых сундуков Мирены лежал раскрытым. На полу рассыпались флаконы, шелковые ленты, серебряные шпильки. Стеклянная бутылочка разбилась у подножия лестницы, и по черному камню растеклась прозрачная жидкость с резким запахом белых цветов.

Лакей стоял рядом, прижимая руку к груди.

Мирена держала раскрытый футляр и смотрела на него так, будто тот испортил не вещь, а церемонию.

— Простите, леди, — бормотал лакей.

— Ремень порвался, я не удержал...

— Это брачное масло, — сказала Мирена ледяным голосом.

— Его готовили три месяца.

Арина остановилась на верхней площадке.

Брачное масло.

Для новой печати.

Дамиан стоял рядом, и она почувствовала, как изменилось его дыхание. Едва заметно. Но она знала эти перемены. Раздражение. Усталость. Нежелание устраивать сцену при слугах.

Мирена подняла глаза.

На Арину.

Не на лакея.

В ее взгляде впервые не было мягкой печали. Только яркая, короткая злость.

— Как неудачно, — сказала Арина.

Тихо.

Но холл услышал.

Мирена выпрямилась.

— Да. Очень.

Дамиан спустился первым.

— Что произошло?

— Ничего, что нельзя заменить, — ответила Мирена уже мягче.

— Просто досадность.

Лакей попытался собрать осколки голыми руками.

— Оставь, — резко сказал Дамиан.

Тот замер.

— Ты порежешься. Позови кого-нибудь с щеткой.

Лакей почти поклонился от облегчения и убежал.

Арина смотрела на эту сцену с верхней площадки и думала о том, как странно устроен Дамиан. Он мог не заметить,

что его жена годами сгорает в чужих обвинениях. Но слугу, собирающего стекло, остановил сразу.

Может быть, потому что порезанные пальцы виднее, чем разрушенная жизнь.

Мирена склонилась над сундуком.

— Я распоряджусь доставить новое масло из дома Острейлов.

— Брачное намерение еще не подписано, — сказал Дамиан.

Мирена подняла голову.

В холле стало так тихо, что дождь за окнами вдруг оказался громким.

— Совет ожидает подписи сегодня, — произнесла она.

— Совет может подождать.

На лице Мирены ничего не изменилось.

И все же Арина поняла: это был первый удар по ее безупречной уверенности.

Мирена улыбнулась.

— Разумеется. Вы устали после обряда.

Дамиан ничего не ответил.

Арина спустилась по лестнице с дорожной сумкой в руке. Ливия уже ждала у выхода, маленькая, напряженная, с собственным чемоданчиком. Вторая сумка Арины стояла рядом.

Келвин появился из бокового коридора.

— Экипаж готов, госпожа Лисвейн.

— Благодарю.

Она взяла плащ.

Дамиан повернулся к ней.

— Арина.

Как много он сегодня произносил ее имя.

Как поздно.

— Не надо, — сказала она.

— Я хотел сказать...

— Не здесь.

Она посмотрела на Мирену, на слуг, на раскрытый сундук, на знамена Ровенхольдов. Потом снова на Дамиана.

— И не сегодня.

Он не стал спорить.

Это тоже было новым.

Арина надела плащ. Ливия подхватила одну сумку. Келвин открыл дверь.

Снаружи дождь усилился. Каменные ступени блестели, экипаж ждал у входа, фонари дрожали в сыром воздухе. За воротами начинался Ауренгард — город, где разведенная женщина без рода стоила меньше хорошей рекомендации, но больше, чем ее собственное отчаяние.

Арина вышла.

На второй ступени Дамиан догнал ее.

Не коснулся.

Просто остановился рядом.

— Куда ты поедешь? — спросил он тихо.

— В место, где мне открывают дверь по моему имени.

— Таких мест в Ауренгарде мало.

— Значит, начну с малого.

Она спустилась к экипажу.

Ливия села первой, прижимая чемоданчик к коленям.

Арина уже поставила ногу на подножку, когда Дамиан сказал:

— Я не считал тебя пустой.

Арина остановилась.

Дождь стекал по его лицу, темнил волосы, ложился на плечи. Он стоял без плаща, будто не замечал холода. И впервые за день выглядел не как лорд Ровенхольд, а как мужчина, который произнес слишком мало и слишком поздно.

Она медленно повернулась.

— Тогда надо было сказать это не мне у кареты, а им в зале.

Дамиан побледнел.

Совсем чуть-чуть.

Арина села в экипаж.

Дверца закрылась.

Когда карета тронулась, она не оглянулась.

Не сразу.

Только когда ворота Ровенхольдов остались позади и темная резиденция поплыла в мокром окне, Арина позволила себе посмотреть назад.

На верхней ступени стояли двое.

Дамиан в черном.

Мирена в светлом.

Между ними было расстояние в несколько шагов, но издалека казалось, будто они уже часть одной картины: будущий брак, будущая печать, будущая правильная жена.

Арина отвернулась.

— Вы правда не знаете, куда ехать? — спросила Ливия.

— Знаю.

— В дом Лисвейнов?

— Нет.

— Простите.

— В архив брачных договоров.

Ливия моргнула.

— В архив?

— У меня там комната.

— Вы сняли комнату в архиве?

— Три дня назад.

Горничная смотрела на нее так, будто впервые понимала: тихая жена дракона готовилась к падению заранее.

Арина поправила манжет на левом запястье.

— Я не знала, удастся ли мне уйти спокойно.

Но знала, что после зала мне понадобится место, где хранят не мнения, а записи.

— И что вы будете делать?

За окном мелькали мокрые улицы Ауренгарда. Башни драконьих родов уходили в низкие тучи. На перекрестке лю-

ди расступались перед каретой с гербом Ровенхольдов. Еще расступались. Еще не знали, что внутри едет уже никто для этого герба.

Арина посмотрела на пустое запястье.

— Для начала узнаю, за что меня на самом деле развели.

К вечеру Ауренгард зажег фонари.

Архив брачных договоров стоял в старой части города, где здания лепились друг к другу так тесно, будто прятались от новых законов. Его фасад был серым, неприметным, с узкими окнами и тяжелой вывеской без украшений. На ступенях пахло мокрой бумагой и железом.

Архивариус, господин Тарвик, встретил Арину без удивления. Невысокий мужчина с круглыми очками и лицом человека, который давно предпочел документы людям.

— Госпожа Лисвейн, — сказал он.

— Комната готова. Ключ у смотрительницы. Рабочее место — с завтрашнего утра. Жалование скромное, но выплачивается каждую пятницу. Опоздания не приветствуются. Драмы в читальных залах запрещены.

Арина впервые за день почти улыбнулась.

— Постараюсь разводиться вне рабочих часов.

Тарвик посмотрел на нее поверх очков.

Потом кашлянул.

— Это было бы удобно.

Он передал ей связку ключей.

Настоящих.

Не символических. Не брачных. Не родовых.

Простых железных ключей от комнаты, шкафа, боковой двери и маленького стола в переписной.

Арина сжала их в ладони.

Железо холодило кожу.

И почему-то это было надежнее любого драконьего золота.

Комната оказалась именно такой, как ей обещали: узкая кровать, стол, умывальник, шкаф, окно на кирпичную стену соседнего здания. Ливия осмотрелась, поставила сумку и решительно сказала:

— Занавески нужны другие.

Арина сняла плащ.

— Мы здесь меньше часа.

— Тем более.

В первый час всегда видно, что нужно исправить.

Она говорила так уверенно, что Арина позволила себе сесть на край кровати.

Тело вдруг стало тяжелым.

Весь день она держала спину прямо. В зале. В доме Ровенхольдов. Перед Миреной. Перед Дамианом. В карете. Перед архивариусом. Теперь рядом была только Ливия, мокрый плащ, чужая кирпичная стена за окном и четыре ключа на ладони.

Арина выдохнула.

Не заплакала.

Слез все еще не было.

Ливия не спрашивала.

Она молча поставила чайник на маленькую плиту, достала из своей сумки сверток с хлебом и сыром, будто уход из дома драконов был не катастрофой, а неудобной поездкой.

— Откуда это? — спросила Арина.

— С кухни.

— Ты украла еду у Ровенхольдов?

— Нет. Я забрала ужин, который все равно готовили для вас.

Арина посмотрела на нее.

Ливия невозмутимо поправила рукав.

— К тому же вы восемь лет были женой лорда. Один кусок сыра дом переживет.

И Арина рассмеялась второй раз за день.

Тише.

Мягче.

Почти по-настоящему.

Ночью она долго не могла уснуть.

Архив шумел иначе, чем дом Ровенхольдов. Здесь не было тяжелой родовой тишины, в которой каждый звук принадлежал старой власти. Здесь скрипели балки, шуршала бумага где-то за стенами, капала вода в водостоке, по лестнице иногда проходил ночной сторож. Обычные звуки. Человеческие.

Ливия спала на узкой раскладной кушетке, которую на-

шла у смотрительницы. Дышала ровно. На стуле сохло ее платье.

Арина лежала на спине и смотрела в темноту.

Левое запястье снова начало гореть.

Она подняла руку.

В полумраке серебряная линия проступила отчетливее.

Она шла тонким полукольцом там, где раньше лежал браслет Ровенхольдов. Не болела. Не жгла. Скорее отзывалась на что-то далекое, будто под кожей натянули струну и кто-то осторожно коснулся ее на другом конце города.

Арина села.

Линия вспыхнула ярче.

В груди стало тесно.

Не от страха.

От ощущения, что где-то далеко — на северном уступе, за стенами дома, который больше не был ее домом, — что-то огромное проснулось от боли.

Она зажмурилась.

И слышала.

Не звук.

Не голос.

Скорее удар сердца, слишком большого для человеческой груди.

Раз.

Пауза.

Еще раз.

Потом — глухой, рваный хрип.

Арина схватилась за край кровати.

Перед глазами на миг вспыхнул каменный двор Ровенхольдов. Черный дождь. Раскрытые окна. Люди с фонарями. Дамиан на коленях посреди мокрых плит, одна рука упирается в землю, другая прижата к груди. За его спиной нет крыльев.

Только две темные рваные тени на камне.

Он пытается встать.

Не может.

Что-то серебряное сжимает его плечи, уходит под кожу, стягивает кости, не позволяя раскрыться тому, что должно было быть драконом.

Арина резко открыла глаза.

Комната архива.

Темнота.

Дождь за окном.

Ливия проснулась.

— Госпожа?

Арина сидела на кровати, тяжело дыша. Серебряная линия на запястье угасала.

— Что случилось?

Арина не ответила.

Потому что не знала.

И потому что в ту же минуту в дверь комнаты ударили.

Сильно.

Три раза.

Ливия вскочила, нащупывая подсвечник.

— Кто там?

За дверью раздался мужской голос:

— Послание из дома Ровенхольдов. Срочно.

Арина медленно опустила ноги на пол.

Запястье больше не светилось, но внутри все еще отдавался тот огромный рваный удар.

Раз.

Пауза.

Еще раз.

Дракон Дамиана не смог взлететь.

Арина поняла это раньше, чем открыла дверь.

ГЛАВА 2. БЫВШУЮ жену больше не зовут по имени

Ночной посыльный из дома Ровенхольдов оказался слишком молод.

Ему едва ли было больше девятнадцати. Мокрые волосы прилипли ко лбу, на темной форме серебрилась вода, а на воротнике горел маленький знак северного крыла. Не личная охрана Дамиана, не старший слуга, не человек Совета. Обычный младший гонец, которого подняли с постели, посадили на лошадь и отправили через весь ночной Ауренгард к разведенной женщине, которую днем попросили освободить дом до заката.

Арина смотрела на него и думала, что даже срочность у драконов умеет быть оскорбительной.

Если бы Дамиан считал дело важным, пришел бы сам.

Если бы считал ее важной, не отправил бы мальчика с приказом.

— Говорите, — сказала она.

Гонец замялся.

За спиной Арины Ливия стояла с подсвечником в руке. Свеча дрожала, отбрасывая на стену длинные тени. Комната архива казалась еще теснее: кровать, стол, открытая дорожная сумка, мокрый плащ на спинке стула, ключи на краю

стола. Все слишком обычное для вести, которая пришла из мира гербов, печатей и крыльев.

— Лорд Ровенхольд требует вашего немедленного возвращения в резиденцию, — выпалил гонец.

Ливия дернулась.

Арина — нет.

Она смотрела на юное лицо посыльного. На то, как он старательно держит подбородок выше, чем позволяет возраст. На пальцы, сжавшие кожаную трубку с письмом. На сапоги, испачканные дорожной грязью. Видимо, ехал быстро.

— Требуется? — переспросила Арина.

Гонец сглотнул.

— Так сказано в распоряжении, госпожа.

— Я больше не подчиняюсь распоряжениям лорда Ровенхольда.

Юноша растерялся.

Такого ответа его не учили принимать.

Приказы драконов обычно не обсуждали. Их исполняли сразу, а потом благодарили, если приказ оказался не слишком разрушительным для чужой жизни.

— Но... дело срочное, — сказал он.

— Лорд нездоров.

Слово «нездоров» прозвучало так нелепо, что Арина почти пожалела его.

Драконы не болели в обычном смысле. Их не называли нездоровыми. У них случались магические истощения, ро-

довые откаты, огневые разрывы, приступы неполного обращения. Но слуги говорили проще, потому что настоящие слова могли стоять места.

— Тогда вызовите лекаря, — ответила Арина.

— Лекари уже в доме.

— Значит, я там не нужна.

Гонец покраснел.

— Мне приказали доставить вас.

— Меня не доставляют.

Он открыл рот и закрыл.

Арина вдруг ясно увидела, как это будет выглядеть со стороны: разведенная женщина в дешевой комнате архива отказывается ехать к одному из сильнейших драконов Ауренгарда. Без охраны. Без рода за спиной. Без фамилии, которая вчера еще открывала ей двери. С точки зрения здравого смысла она вела себя глупо.

С точки зрения достоинства — впервые правильно.

— Передайте лорду Ровенхольду, — сказала она, — что я сожалею о его недомогании.

— Госпожа...

— И что после сегодняшнего решения Совета у него больше нет брачного права требовать моего присутствия.

Гонец побледнел окончательно.

— Я не могу передать это.

— Можете. Вы только что запомнили слова.

— Но лорд...

— Лорд Ровенхольд расторг наш союз публично. Если ему понадобилось мое присутствие, пусть сначала вспомнит, что люди приходят не по приказу, а по просьбе.

Она протянула руку.

— Письмо.

Гонец будто только теперь вспомнил о кожаной трубке. Передал ее осторожно, словно внутри могло быть не письмо, а яд.

На сургуче стояла печать Ровенхольдов.

Арина посмотрела на серебряное крыло и не стала ломать печать сразу.

— Вы можете идти.

— Мне велели ждать ответа.

— Ответ вы получили.

— Письменного.

Ливия тихо втянула воздух.

Арина повернулась к столу, взяла чистый лист, обмакнула перо в чернила и написала всего две строки.

«Лорд Ровенхольд, ваш приказ получен. Исполнить его не могу, поскольку более не являюсь вашей супругой и не состою под властью вашего дома. Арина Лисвейн».

Она посыпала чернила песком, стряхнула лишнее, сложила лист и протянула гонцу.

Тот принял письмо так, будто брал в руки собственную беду.

— Госпожа, — почти шепотом сказал он, — мне кажется,

лорд будет недоволен.

Арина устало посмотрела на него.

— Юноша, сегодня весь Ауренгард приложил немало усилий, чтобы я перестала отвечать за довольство лорда Ровенхольда.

Ливия за ее спиной тихо кашлянула.

Гонец поклонился и исчез в коридоре.

Только когда его шаги стихли на лестнице, Арина закрыла дверь. Щеколда легла в паз с простым металлическим звуком. Маленьким. Ненадежным. Но своим.

Ливия поставила подсвечник на стол.

— Вы не поедете?

— Нет.

— А если с ним правда что-то серьезное?

Арина сжала пальцы на кожаной трубке с письмом.

Серьезное.

Она видела каменный двор. Видела Дамиана на коленях. Видела серебряные нити, стягивающие его плечи. Это не было обычным недомоганием. И не было видением в привычном смысле, потому что у Арины никогда не было видений. У нее вообще ничего не было — так говорили все заключения Совета.

Пустая кровь.

Женщина без дара.

Несоответствие.

Она сорвала печать.

Внутри оказалось не письмо Дамиана.

Распоряжение.

Почерк был не его. Сухой, угловатый, канцелярский. Наверняка секретарь дома или один из людей Салкрофта.

«Госпоже Арине Лисвейн надлежит немедленно прибыть в резиденцию Ровенхольдов для участия в магической проверке состояния лорда Дамиана Ровенхольда. Ввиду особых обстоятельств отказ будет расценен как неуважение к решению Совета крыльев».

Арина дочитала до конца.

Там не было «пожалуйста».

Не было «просим».

Не было даже попытки объяснить, почему ее присутствие вдруг стало необходимым после того, как ее же объявили причиной ослабления родовой силы.

— Они не просят, — сказала она.

Ливия осторожно взяла лист из ее руки, пробежала глазами и нахмурилась.

— Но пишут про Совет. Это опасно.

— Все, что касается Совета, опасно.

— Они могут наказать вас?

Арина усмехнулась.

— Теоретически? Нет. Практически?

У них есть множество способов сделать жизнь неудобной и при этом остаться в рамках закона.

Она забрала письмо, сложила и положила на стол рядом

с ключами.

Серебряная линия на запястье больше не светилась.

И все же кожа под манжетом казалась слишком теплой.

Ливия смотрела на нее внимательно.

— Вы видели что-то перед стуком.

Арина подняла глаза.

— Почему ты так решила?

— Вы смотрели не на дверь. Вы смотрели куда-то далеко.

Несколько секунд Арина молчала.

За окном дождь стучал по жестяному отливу. В коридоре архива снова воцарилась тишина. Где-то внизу ночной сторож, вероятно, ворчал из-за поздних посетителей. Все было так просто, так земно, что говорить о серебряных нитях и драконе без крыльев казалось почти безумием.

— Мне показалось, что Дамиан пытался обратиться, — сказала Арина наконец.

— И не смог.

Ливия перекрестила руки на груди, будто ей стало холодно.

— Дракон не смог обратиться?

— Я не уверена.

— Но вы видели?

— Да.

Ливия села на край стула.

— У вас есть дар?

Арина хотела ответить привычно: нет.

Слово уже было готово.

Оно прожило с ней всю жизнь, стало частью имени. Арина Лисвейн, без дара. Арина Лисвейн, пустая ветвь. Арина Лисвейн, удачно выданная за дракона и не оправдавшая надежд.

Но после серебряного следа в мраморе и видения каменного двора слово «нет» вдруг перестало быть честным.

— Не знаю, — сказала она.

Это оказалось страшнее, чем признать слабость.

Ливия не испугалась. Только кивнула, будто неизвестность была обычной хозяйственной задачей, вроде пятна на платье или сломанной застёжки.

— Тогда утром надо идти не к Ровенхольдам, а в архив.

— Я и собиралась.

— Там есть записи про такие дары?

— Если господин Тарвик не солгал, в архиве есть записи почти обо всем, что кто-то когда-то пытался спрятать под законной формулировкой.

— Хорошо.

Арина посмотрела на нее.

— Хорошо?

— Да. Если люди лгут, надо искать бумагу. Бумага тоже лжет, но хотя бы одинаково на всех страницах.

Арина неожиданно улыбнулась.

— Ты слишком разумна для служанки.

— Я была слишком разумна и для прежней должности.

Они обе замолчали.

Письмо лежало на столе.

Приказ.

Не просьба.

Арина взяла его, поднесла к свече и дождалась, пока край бумаги вспыхнет.

Ливия ахнула.

— Госпожа!

— Официальное распоряжение требует официальной доставки. Мне доставили не через Совет, а ночью через домашнего гонца. Значит, это попытка запугать, а не закон.

Огонь съел слова «надлежит немедленно прибыть».

Арина держала лист, пока пламя не подобралось к пальцам, потом бросила его в металлическую чашку. Бумага свернулась черным лепестком.

От пепла пахнуло чем-то резким.

Не только гарью.

Серебром.

Арина отступила на шаг.

На дне чашки среди черного пепла проявилась тонкая блестящая нитка. Она изогнулась, словно живая, и тут же рассыпалась.

Ливия побледнела.

— Это нормально?

— Для обычной бумаги — нет.

— А для приказов драконов?

— Для них, боюсь, слишком многое считают нормальным.

Арина закрыла чашку блюдцем, будто это могло остановить все странное, что просачивалось в ее жизнь после развода.

До рассвета она так и не уснула.

Утро пришло серым.

Не торжественным, не очищающим, не новым. Просто утро: мокрые стекла, холодная вода в кувшине, скрип половиц, глухой звон колокола где-то в квартале чиновников. Арина умылась, заплела волосы ниже обычного, надела темное платье без единого родового знака и впервые за восемь лет сама застегнула ворот до конца.

Раньше на платьях для дома Ровенхольдов всегда оставляли место для брачного браслета, для знака, для чужой фамилии.

Теперь запястье было скрыто.

Ливия принесла из нижней кухни чай и два куска хлеба с яблочным вареньем. Варенье оказалось кислым, хлеб — вчерашним, чай — слишком крепким. Арина ела медленно и с удивлением думала, что это, пожалуй, первый завтрак за много лет, во время которого никто не ждал от нее правильного молчания.

В доме Ровенхольдов завтраки были похожи на заседания в миниатюре. Дамиан просматривал письма. Управляющий докладывал о расходах. Иногда приходил кто-нибудь из Совета. Арина сидела напротив, наливала чай, отвечала на во-

просы, когда их задавали, и не задавала своих, если не хотела увидеть закрывшееся лицо мужа.

Здесь чай был плохой.

Зато никто не говорил ей, сколько сахара прилично класть разведенной жене дракона.

— Вам нужно быть в переписной к восьми, — сказала Ливия, проверяя складку на ее рукаве.

— Ты уже знаешь расписание?

— Смотрительница сказала.

Она тоже считает, что занавески ужасные.

— Вы успели обсудить интерьер?

— Мы обсудили, что у комнаты есть потенциал.

Арина взяла ключи.

— У комнаты, Ливия, есть стены и крыша. Пока этого достаточно.

— Так говорят люди, которые никогда не жили с хороши-ми занавесками.

В переписной пахло чернилами, пылью и старой кожей.

Архив брачных договоров занимал четыре этажа и два подземных хранилища. Снаружи он казался серым и узким, но внутри раскрывался длинными коридорами, железными лестницами, читальными залами, полками до потолка и дверями, на которых висели таблички: «Договоры старших родов», «Разводные печати», «Опека и наследование», «Брачные споры», «Архив закрытых решений Совета крыльев».

Последняя дверь была заперта тремя замками.

Арина заметила ее сразу.

И господин Тарвик заметил, что она заметила.

— Закрытые решения не выдаются младшим переписчикам, — сказал он, даже не взглянув в ее сторону.

Архивариус стоял у высокого стола, перебирая папки. Его круглые очки сползли на кончик носа. Серая жилетка была застегнута криво, но взгляд оставался острым.

— Я еще ничего не просила, — ответила Арина.

— Вы посмотрели так, как смотрят люди перед просьбой.

— Возможно, я просто восхищалась замками.

— Замки не для восхищения.

Они для тех, кто не умеет читать таблички.

Он протянул ей стопку документов.

— Ваше место у третьего окна. Работа простая: копировать брачные выписки младших родов в общий реестр. Ошибки в именах недопустимы. Ошибки в датах недопустимы. Ошибки в статусах смертельно недопустимы, потому что один неверно переписанный статус может выдать замуж женщину, которая уже десять лет как сбежала от первого мужа.

Арина взяла документы.

— Такое случалось?

— В архиве случалось все. Поэтому мы и существуем.

Он посмотрел на ее левое запястье. Не грубо. Профессионально. Как человек, который всю жизнь читает следы законов на людях.

— После разводной печати рука болит?

— Нет.

— Если начнет, скажите. Внизу есть мазь от ожогов.

Арина удивленно подняла глаза.

Тарвик уже отвернулся.

— И не благодарите.

У меня нет времени на человеческие сцены до обеда.

Рабочее место у третьего окна оказалось узким столом, чернильницей, ножом для бумаги и стопкой листов. Окно выходило на внутренний двор архива, где росла старая рябина с черными от дождя ветками. В комнате работали еще шесть переписчиков. Две женщины, трое мужчин и один пожилой клерк, который спал с открытыми глазами между строками.

Когда Арина села, разговоры стихли.

Не совсем.

Но достаточно, чтобы она поняла: ее узнали.

Конечно, узнали.

Разводы драконов не происходили тихо. Особенно когда причиной называли бездарность жены.

Молодая переписчица за соседним столом посмотрела на Арину с любопытством, потом быстро опустила глаза. Мужчина у шкафа шепнул что-то другому. Тот усмехнулся. Пожилой клерк, кажется, действительно спал и потому оказался самым воспитанным.

Арина разложила бумаги.

Первый договор: союз между Лорией Майн и Тобенем

Эшером, оба из младших огненных ветвей. Приданое: три лавки, два склада, доля в мельнице. Условия расторжения: взаимное согласие, отсутствие наследников, возврат фамилии.

Возврат фамилии.

Как будто фамилия — это зонтик, взятый на время дождя.

Арина обмакнула перо.

Почерк у нее был ровный. Этому ее учили лучше, чем магии. Если у девочки нет дара, пусть хотя бы красиво пишет, говорила тетка по материнской линии. Тогда ее можно пристроить в приличный дом, где ценят тишину, грамотность и умение не перебивать мужчин.

Она переписала первую страницу.

Потом вторую.

Потом третью.

Работа успокаивала.

В буквах был порядок. В датах — последовательность. В статьях закона — холодная логика, которую можно было ненавидеть, но нельзя было обвинить в изменчивости. Люди могли солгать. Бумага хранила ложь аккуратно, зато не меняла ее в зависимости от того, кто вошел в комнату.

К полудню Арина уже почти убедила себя, что ночь была сном.

Потом в переписную вошла женщина в темно-зеленом платье и с брошью Совета крыльев на вороте.

Разговоры стихли совсем.

Господин Тарвик вышел из своего кабинета так быстро, будто появился из стены.

— Леди Марсена, — сказал он.

— Архив к вашим услугам.

— Мне нужна Арина Лисвейн.

В комнате стало слишком тихо.

Арина положила перо.

Леди Марсена Вейл была одной из тех женщин, которые сумели состариться внутри власти, не потеряв ни жесткости, ни осанки. Она входила в младшую палату Совета крыльев и занималась брачными допусками. В день свадьбы Арины именно она проверяла ее родовую линию и сказала:

«Дара нет, но кровь чистая. Для удерживающего союза достаточно».

Тогда Арина не поняла этой фразы.

Теперь вспомнила каждое слово.

Она встала.

— Леди Марсена.

Та окинула ее взглядом.

Слишком быстрым для обычной вежливости. Запястье. Ворот платья. Отсутствие украшений. Чернила на пальце.

— Совет удивлен вашим отсутствием в резиденции Ровенхольдов этой ночью.

Господин Тарвик кашлянул.

— Мои сотрудники работают с восьми утра. Ночные передвижения не входят в архивное расписание.

Марсена даже не посмотрела на него.

— Речь идет об обстоятельствах чрезвычайного характера.

— Тогда, — сухо сказал Тарвик, — вероятно, Совет оформил чрезвычайное распоряжение с номером, печатью и подписью ответственного лица. Я с радостью внесу копию в журнал входящих документов.

Почти незаметная пауза.

Арина поняла: официального распоряжения не было.

Леди Марсена повернула голову к архивариусу.

— Вы всегда так щепетильны?

— Только когда ко мне приходят забрать сотрудника посреди рабочего дня без документа.

— Госпожа Лисвейн не просто сотрудник.

— В моем архиве — именно сотрудник.

Арина посмотрела на Тарвика с новым интересом.

Он не защищал ее из нежности. Не стоило обманываться. Он защищал правила архива, свое расписание и право требовать бумагу у людей, привыкших заменять ее тоном. Но сейчас этого было достаточно.

Марсена улыбнулась.

— Как трогательно. Однако госпожа Лисвейн связана с делом рода Ровенхольдов.

— Госпожа Лисвейн больше не связана браком с родом Ровенхольдов, — сказала Арина.

Леди Марсена наконец посмотрела на нее по-настоящему.

— Вы стали смелее за ночь.

— Нет. Просто теперь мои слова не могут повредить браку.

Он уже расторгнут.

В переписной кто-то подавил вдох.

Марсена подошла ближе.

От нее пахло сухими травами и дорогой бумагой.

— Лорд Дамиан пережил тяжелый приступ неполного обращения.

Арина не позволила себе дрогнуть.

Приступ.

Значит, видение было правдой.

— Сожалею.

— Он не смог раскрыть крылья.

За соседним столом перо выпало из чьей-то руки.

Тарвик медленно снял очки.

В Ауренгарде можно было сказать «лорд нездоров» и остаться в пределах приличий. Но фраза «дракон не смог раскрыть крылья» была почти непристойной. Как раздеть власть перед чужими глазами.

Марсена сказала это нарочно.

Она хотела увидеть реакцию Арины.

Арина дала ей только тишину.

— Вы понимаете серьезность? — спросила советница.

— Понимаю, что у лорда Ровенхольда есть лекари, родовые маги, личная охрана и Совет крыльев.

— Никто из них не смог стабилизировать печать.

— При чем здесь я?

— Это и предстоит выяснить.

Арина усмехнулась.

Совсем чуть-чуть.

— Вчера в Зале Крыльев выяснили, что я причина ослабления. Сегодня выясняете, почему без меня стало хуже. Как быстро меняется закон, когда дракону больно.

Лицо Марсены застыло.

— Осторожнее, госпожа Лисвейн.

— Я очень осторожна. Именно поэтому спрашиваю: вы пришли с просьбой, приказом или угрозой?

Господин Тарвик пробормотал:

— Хороший юридический вопрос.

Леди Марсена бросила на него ледяной взгляд.

Он надел очки обратно с видом человека, который ни о чем не жалеет.

— Совет предлагает вам прибыть в резиденцию Ровенхольдов для участия в проверке, — сказала Марсена.

— На каких условиях?

— Условиях?

— Да.

Советница будто не сразу поняла слово.

Арина сложила руки перед собой. Не чтобы спрятать дрожь. Дрожи не было. И это удивляло ее сильнее всего.

— Я разведенная женщина без защиты рода. Вчера ме-

ня публично признали магически несоответствующей, а мое присутствие рядом с лордом Ровенхольдом — вредным для его силы. Сегодня вы хотите привести меня обратно в его резиденцию и использовать в проверке неизвестного рода. Поэтому я спрашиваю: на каких условиях?

Марсена смотрела на нее с новым выражением.

Не уважением.

Нет.

Скорее настороженностью.

Так смотрят на тихую дверь, которая вдруг оказалась запертой изнутри.

— Вы требуете платы?

— Я требую ясности.

— Совет не торгуется с бывшими женами.

Арина кивнула.

— Тогда бывшая жена возвращается к работе.

Она села.

Прямо перед леди Марсеной.

В переписной никто не дышал.

Даже пожилой клерк проснулся.

Марсена несколько секунд стояла неподвижно. Потом медленно наклонилась к Арине, опершись пальцами о край ее стола.

— Вы не понимаете, с кем спорите.

Арина обмакнула перо в чернила.

— Понимаю. Именно поэтому спорю при свидетелях.

Господин Гарвик тихо сказал:

— Свидетелей в комнате семь. Восемь, если считать меня.

Девять, если считать журнал посетителей.

Марсена выпрямилась.

Ее улыбка исчезла окончательно.

— Вам дадут официальный вызов.

— Принесу ответ в установленный законом срок.

— Закон может оказаться не на вашей стороне.

Арина подняла глаза.

— Он и раньше там редко стоял.

Леди Марсена развернулась и вышла.

Только когда дверь переписной закрылась, комната ожила.

Кто-то зашептался. Кто-то откровенно уставился. Молодая переписчица за соседним столом смотрела на Арину с таким восторгом, будто та только что выжила после дуэли. Пожилой клерк пробормотал:

— Вот это утро.

Тарвик подошел к столу Арины.

— Вы понимаете, что теперь они действительно пришлют официальный вызов?

— Да.

— Вы понимаете, что отказать на официальный вызов сложнее?

— Да.

— Вы понимаете, что леди Марсена не простит вам этой

сцены?

Арина посмотрела на него.

— А вы понимаете, что я все равно не собиралась ехать без условий?

Тарвик помолчал.

Потом кивнул.

— Понимаю. Поэтому после обеда переведу вас с младших браков на старые реестры разводных печатей.

— Почему?

— Потому что вы все равно будете искать. Пусть лучше под моим присмотром и без пятен от пролитых чернил на важных страницах.

Арина впервые за утро почувствовала, что почва под ногами стала чуть тверже.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это не любезность. Это попытка не допустить катастрофы в читальном зале.

Он ушел.

Арина снова взяла перо.

Но буквы расплывались перед глазами.

Не от слез.

От понимания.

Дамиан не смог раскрыть крылья.

Совет знал.

И теперь им снова понадобилась она.

Пустая.

Бездарная.

Разведенная.

Женщина, которую еще вчера сожгли из чужой фамилии, а сегодня начали искать среди архивных столов.

После обеда небо над Ауренгардом прояснилось.

Дождь ушел на север, оставив на крышах тусклую воду и запах мокрого камня. В читальном зале стало светлее. Пыль в солнечных полосах казалась золотой, почти красивой. Арина сидела за отдельным столом в дальнем углу, куда Тарвик принес три тяжелых тома разводных печатей и одну связку дел, перевязанных серой лентой.

— Для начала, — сказал он, — изучите случаи расторжения союзов между драконьими родами и женщинами без проявленного дара.

— Их много?

— Официально — мало. Неофициально — достаточно, чтобы у архива был отдельный шкаф.

— Почему неофициально?

Тарвик посмотрел на нее поверх очков.

— Потому что драконьи роды не любят, когда их ошибки удобно считать.

Он оставил ее одну.

Арина раскрыла первый том.

Страницы были плотные, желтоватые, с темными краями. Записи шли аккуратными рядами: имена, роды, даты браков, даты расторжения, причины, последствия.

Через час у нее заболели глаза.

Через два — пальцы от переписывания имен.

Через три — сердце.

Потому что фразы повторялись.

«Отсутствие дара у супруги».

«Ослабление родовой силы мужа».

«Брачное несоответствие».

«Неспособность удержать печать».

«Развод одобрен Советом крыльев».

Женские имена менялись. Мужские роды — тоже. Суть оставалась прежней.

Каждую такую женщину называли пустой.

Каждый дракон после развода получал право на новый союз.

О дальнейшей судьбе женщин почти ничего не писали.

Арина выписала семь имен, прежде чем заметила странность.

У всех семи рядом с датой развода стоял маленький знак серебряной чертой. Не буква. Не печать. Просто штрих на полях, будто переписчик отмечал что-то для себя.

Она повернула том к свету.

Штрих блеснул.

Серебром.

Арина перестала дышать.

Она быстро пролистала еще несколько страниц.

Еще один знак.

И еще.

И еще.

Женщины без дара.

Развод.

Ослабление дракона.

Серебряный штрих.

Арина медленно провела пальцем по полям.

Левое запястье отозвалось теплом.

— Господин Тарвик, — позвала она.

Архивариус появился почти сразу, как будто стоял за стеллажом и ждал.

— Да?

— Что означает этот знак?

Он наклонился.

И впервые за все утро его лицо изменилось.

Не сильно.

Но достаточно.

— Где вы его нашли?

— На делах о разводах женщин без проявленного дара.

— Не трогайте страницу.

Арина убрала руку.

Тарвик достал из кармана тонкую линзу в медной оправе, поднес к полям и долго смотрел.

— Это не архивная отметка.

— Тогда чья?

Он не ответил.

— Господин Тарвик.

Архивариус закрыл том.

Слишком резко.

— На сегодня достаточно.

— Нет.

— Да.

— Вы знаете, что это.

— Я знаю, что некоторые вопросы лучше задавать при закрытых дверях.

Он посмотрел на других посетителей читального зала.

Арина поняла.

Собрала свои выписки и пошла за ним.

Кабинет Тарвика оказался крошечным, заваленным папками до такой степени, что стул для посетителей был скорее теоретическим. На стене висела карта старого Ауренгарда, у окна стоял чайник, в углу — сейф с тремя замками. Архивариус закрыл дверь и повернул ключ.

— Покажите запястье, — сказал он.

Арина напряглась.

— Зачем?

— Потому что вы смотрели на этот знак так, будто он смотрел в ответ.

Она медленно расстегнула манжет.

Серебряная линия проступила сразу.

Тонкая.

Спокойная.

Почти красивая.

Тарвик побледнел.

— Откуда это?

— После снятия брачного браслета.

— В Зале Крыльев?

— Сначала там был ожог. Потом, когда я вышла, на мраморе остались серебряные следы. Ночью я видела приступ Дамиана. Не глазами. Не знаю как.

А сегодня нашла такие же следы в делах.

Тарвик сел.

Не на стул — на край стола, потому что стул был завален бумагами.

— Эхо-кровь, — тихо сказал он.

Слово легло в комнату, как ключ в замок.

Арина повторила:

— Эхо-кровь.

Левое запястье вспыхнуло теплом.

— Редкий дар, — сказал Тарвик.

— Настолько редкий, что Совет предпочитает называть его отсутствием дара.

Он не проявляется огнем, водой, голосом, крыльями или видимыми знаками силы. Такая кровь принимает чужую магическую нагрузку, удерживает ее, отражает и иногда возвращает обратно.

Арина слушала, не двигаясь.

Внутри все становилось тихим.

Опасно тихим.

— То есть не пустая, — сказала она.

— Нет.

— Не бездарная.

— Нет.

— Тогда почему в моем заключении написано обратное?

Тарвик посмотрел на закрытую дверь.

— Потому что женщина с эхо-кровью удобнее всего именно тогда, когда не знает, кто она.

Арина опустилась на единственный свободный угол стула, сдвинув стопку бумаг на пол.

Перед глазами вспыхнули обрывки прошлого.

Ночные боли.

Серебряные пятна на коже.

Дамиан за стеной, подавляющий рычание.

Лекари, которые осматривали его, но никогда — ее.

Старшие советницы, которые говорили, что слабость супруги влияет на печать.

Вирен Салкрофт в день свадьбы.

Марсена: «Дара нет, но кровь чистая. Для удерживающего союза достаточно».

Удерживающего.

— Меня знали, — сказала Арина.

Голос почти не звучал.

— Возможно.

— Не возможно. Знали. Еще до брака.

Тарвик молчал.

Это было хуже подтверждения.

Арина поднялась.

— Мне нужны документы о моем браке.

— Они в закрытом разделе.

— Откройте.

— Я не могу.

— Можете.

— Госпожа Лисвейн, если бы все закрытые разделы открывались от уверенного голоса, архив сгорел бы еще сто лет назад.

Она шагнула к нему.

— Мой брак расторгли. Меня лишили имени, защиты и положения на основании лжи. Ночью после развода дракон моего бывшего мужа не смог раскрыть крылья. Сегодня Совет пришел за мной без официального распоряжения.

В старых делах я нашла знаки, которые совпадают с меткой на моей коже.

И вы хотите сказать, что замок важнее?

Тарвик долго смотрел на нее.

Потом тихо выругался.

Очень сухо.

Почти научно.

— Я хочу сказать, что если я открою закрытый раздел основания, меня снимут с должности, архив передадут Совету напрямую, а вас обвинят в краже документов.

Арина сжала руку.

Серебряная линия на запястье вспыхнула.

В тот же миг за дверью кабинета раздался шум.

Голоса.

Шаги.

Ливия ворвалась без стука.

— Госпожа!

За ней стоял тот самый ночной гонец из дома Ровенхольдов, но теперь он был не один. С ним пришли двое мужчин в темной форме личной охраны Дамиана. Мокрые плащи, жесткие лица, серебряные крылья на груди.

Старший из них поклонился.

Не низко.

— Госпожа Лисвейн, лорд Ровенхольд приказал доставить вас в резиденцию.

Тарвик медленно встал.

— Это архив брачных договоров. Здесь людей не доставляют. Здесь их вызывают документом.

Охранник даже не посмотрел на него.

— У нас чрезвычайное распоряжение главы рода.

— Глава рода Ровенхольдов не управляет архивом.

— Он управляет тем, что касается его жизни.

Арина вышла из кабинета.

В коридоре уже собрались переписчики. Несколько посетителей читального зала выглядывали из-за стеллажей. Ливия стояла рядом с Ариной, белая от злости.

— Я уже дала ответ ночью, — сказала Арина.

Охранник повернулся к ней.

— При всем уважении, госпожа, лорд не принял отказ.

— Это его личная трудность.

У второго охранника дернулась бровь.

Старший сделал шаг ближе.

— Нам приказано вернуть вас.

— Вернуть можно вещь, — сказала Арина.

— Или долг. Я не являюсь ни тем, ни другим.

В коридоре стало тихо.

И в этой тишине она вдруг снова почувствовала удар.

Раз.

Пауза.

Еще раз.

Дамиан.

Сильнее, чем ночью.

Боль накатила так резко, что Арина схватилась за край стола. Запястье вспыхнуло под манжетом. Мир перед глазами дрогнул, и на мгновение стены архива исчезли.

Каменный двор.

Серое небо.

Дамиан стоит посреди круга родовых магов, раздетый до рубашки, с распахнутыми черными крыльями, которых нет. Вернее, они должны быть, но вместо них за его спиной рвется темная тень, перевитая серебряными нитями. Он стискивает зубы, не кричит, хотя его ломает так, что камень под

ногами трескается. Лекарь кричит кому-то:

— Печать не держит!

Другой голос:

— После развода откат усилился!

И третий, сухой, знакомый.

Вирен Салкрофт:

— Найдите бывшую жену. Немедленно. Пока он еще может принять ее кровь.

Видение оборвалось.

Арина снова стояла в архиве.

Охранник смотрел на нее с беспокойством.

— Вам плохо?

Она выпрямилась.

Вот теперь все стало ясно.

Не полностью.

Но достаточно.

Им нужна была не она.

Им нужна была ее кровь.

Та самая пустая кровь, которую вчера объявили причиной развода.

Арина медленно расстегнула манжет на левом запястье.

Серебряная линия светилась так ярко, что все в коридоре увидели.

Кто-то ахнул.

Охранники отступили на полшага.

Тарвик прошептал:

— Не здесь...

Но было поздно.

Арина подняла руку, показывая метку.

— Передайте лорду Ровенхольду, — сказала она четко, — что я приду только тогда, когда он сам попросит. Не Совет. Не охрана. Не распоряжение главы рода.

Он.

Старший охранник смотрел на ее запястье так, будто перед ним раскрылась трещина в законе.

— И еще передайте, — добавила Арина, — что пустая кровь больше не приходит по приказу.

ГЛАВА 3. Дракон, который не смог взлететь

Дамиан Ровенхольд пришел в архив через два часа.

Не прислал экипаж. Не отправил третье распоряжение. Не спрятался за печатью Совета и не позволил охране говорить своим голосом.

Пришел сам.

Ауренгард уже тонул в вечернем свете, когда у входа в Архив брачных договоров остановилась черная карета без гербов. Это было почти смешно: в городе, где каждая лошадь знала знак Ровенхольдов, отсутствие герба выглядело громче любого серебряного крыла. Два охранника спешили первыми. Потом дверца открылась, и Дамиан вышел на мокрые каменные плиты.

Арина увидела его из окна читального зала.

Она стояла у высокого стеллажа с томом старых разводных печатей в руках и успела заметить, как люди на улице отступили, даже не поняв сразу, кто перед ними. У драконов была такая власть над пространством. Они не просили дороги. Их тела, осанка, привычка к повиновению делали это за них.

Но сегодня Дамиан шел иначе.

Не медленнее. Не слабее так, чтобы это бросалось в гла-

за чужим. Но Арина знала его походку. Знала, как он ставит ногу, когда раздражен, как держит плечи после долгого совета, как слегка наклоняет голову, если слушает опасную ложь и еще не решил, уничтожить ли ее сразу.

Сегодня в его движениях была сдержанная боль.

Он нес ее так же, как нес все остальное: без просьбы о помощи, без жалобы, без права для чужих глаз увидеть трещину. Но трещина была. В каждом шаге. В слишком прямой спине. В пальцах, сжатых на перчатке. В лице, которое казалось каменным не от равнодушия, а от усилия.

Левое запястье Арины отозвалось слабым теплом.

Она опустила рукав.

— Это он? — спросила Ливия за спиной.

Арина не обернулась.

— Да.

— Сам?

— Как видишь.

Ливия подошла ближе и тоже выглянула в окно. Потом тихо сказала:

— Вы добились, чтобы дракон пришел в архив.

— Не уверена, что это победа.

— После вчерашнего развода — очень похоже.

Арина закрыла том.

— Победой будет, если он научится входить в дверь без приказа.

Внизу уже поднялся шум.

Не громкий. Архив не любил громкости. Но присутствие Дамиана нарушило воздух в здании. Переписчики перестали скрипеть перьями, посетители читального зала замерли над своими делами, кто-то быстро вышел в коридор под предлогом найти нужную полку. Новости в Ауренгарде не бежали, нет. Они просачивались под дверями, проникали в чернила, оседали на полях документов.

Северный дракон пришел за бывшей женой.

Сам.

Господин Тарвик появился у стола Арины с выражением человека, который предвидел катастрофу и потому почти не был удивлен.

— Лорд Ровенхольд просит вас принять его.

Арина подняла брови.

— Просит?

— Передал именно это слово. Мне даже пришлось уточнить.

Ливия отвернулась к окну, скрывая улыбку.

— Где он? — спросила Арина.

— В малом зале сверки. Я не позволил ему войти в читальный. Драконы отвлекают сотрудников сильнее, чем плесень в нижнем хранилище.

— Благодарю.

— Не благодарите. Если он что-нибудь сломает, я выставлю счет вам обоим.

Тарвик ушел.

Арина положила том на стол, выровняла края выписок, закрыла чернильницу. Эти мелкие движения помогали не спешить. Вчера она слишком долго жила в чужом темпе: зал, печать, приказ покинуть дом, ночной гонец, утренний визит Марсены, охрана в коридоре. Сейчас Дамиан ждал ее. И это было правильно.

Пусть подождет.

— Я пойду с вами, — сказала Ливия.

— Нет.

— Госпожа...

— Он пришел говорить со мной.

И если я войду с защитой, он решит, что разговор все еще можно превратить в переговоры между сторонами. Я не сторона. Я человек, которому он задолжал правду.

Ливия сжала губы.

— Я буду рядом.

— Будешь у двери.

— Это и значит рядом.

Арина почти улыбнулась.

— Хорошо.

Малый зал сверки находился на втором этаже, рядом с хранилищем брачных копий. Узкая комната, длинный стол, два окна с мутным стеклом, лампа под зеленым колпаком и стена шкафов, где держали документы, ожидающие подписи. Никаких мягких кресел. Никаких гербов. Никакой торжественности. Только бумага, дерево и запах старых чернил.

Дамиан стоял у окна.

Когда Арина вошла, он повернулся.

И на одно мгновение весь подготовленный ею холод чуть не дал трещину.

Он выглядел хуже, чем утром.

В Зале Крыльев он был камнем. В доме Ровенхольдов — холодным хозяином, который слишком поздно понял, что дверь закрывается не только за бывшей женой. Сейчас перед ней стоял мужчина, которого ночь ударила глубже, чем позволяли видеть посторонним. Под глазами легли тени. Цвет лица стал бледнее обычного. Ворот темной рубашки был застегнут не до конца, и у ключицы виднелась тонкая серебристая линия ожога.

Такая же, как на ее запястье.

Арина заметила.

Дамиан заметил, что она заметила.

Они молчали.

За дверью осталась Ливия. Наверняка стоит так близко, что услышит, если Арина повысит голос. Возможно, рядом уже маячит Тарвик с журналом посетителей, готовый превратить любую глупость дракона в письменную запись.

Эта мысль вернула Арине равновесие.

— Вы просили встречи, лорд Ровенхольд, — сказала она.

Дамиан слегка поморщился.

Не от боли.

От обращения.

— Не называй меня так.

— Это ваше имя по закону.

— Ты восемь лет называла меня иначе.

— Восемь лет я была вашей женой.

Он отвел взгляд первым.

Маленькая победа.

Неприятная.

— Арина, — сказал он тише.

Она подошла к столу и остановилась по другую сторону, оставляя между ними дерево, документы и весь вчерашний день.

— Я слушаю.

Дамиан не сел.

Арина тоже.

— Я пришел сам, как ты потребовала.

— Я ничего не требовала. Я сказала, что не приду по приказу.

— Хорошо. Как ты сказала.

Он явно заставил себя произнести это без раздражения.

У Дамиана плохо получалось быть человеком, которому отказали. Еще хуже — человеком, которому указали на форму разговора. Но он стоял здесь. В архиве. Без мантии главы рода. Без Совета за спиной. Это не искупало ничего. Но было началом другой речи.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

Арина ждала.

Дамиан тоже будто ждал, что этих слов будет достаточно. Она молчала.

Тишина растянулась.

Наконец он понял.

— Пожалуйста, — добавил он.

Слово далось ему не легко.

Не потому, что он не умел быть вежливым. Дамиан Ровенхольд прекрасно знал все формы приличия. Он умел благодарить королевских послов, принимать соблезнования, отвечать на церемониальные обращения. Но «пожалуйста» в этой комнате не было этикетом. Оно признавало, что Арина может отказать.

И она увидела, как тяжело ему это признание.

— Помощь в чем? — спросила она.

Дамиан положил ладонь на спинку ближайшего стула. Не оперся. Просто коснулся, будто проверял, выдержит ли дерево его вес, если тело все-таки предаст.

— Сегодня ночью я пытался обратиться.

— Я знаю.

Он резко поднял глаза.

— Откуда?

Арина медленно расстегнула манжет и открыла серебряную линию на запястье.

— Видела.

Дамиан смотрел на метку.

Слишком долго.

В его взгляде сменились удивление, узнавание, тревога. И что-то еще — почти злость, но не на нее. На себя? На Совет? На самую возможность того, что он не знал очевидного?

— Когда это появилось?

— После развода.

— Печать не должна была...

— Я уже слышала это. Печать много чего не должна была делать. Например, оставлять серебряные следы на мраморе Зала Крыльев.

Он побледнел.

— Следы?

— Да.

Дамиан сделал шаг к ней.

Арина не отступила, но положила ладонь на край стола.

Он остановился.

На этот раз вовремя.

— Что ты видела ночью? — спросил он.

— Двор. Дождь. Тебя на камне. Серебряные нити за спиной. Крыльев не было. Только тени.

Мышца дернулась у него на щеке.

Значит, точно.

— Это был не сон, — сказала Арина.

— Нет.

Он произнес это глухо.

Потом все-таки сел. Не из вежливости. Из необходимости. Стул тихо скрипнул под ним, и Арина впервые увидела,

как Дамиан позволяет себе усталость при ней. Не в полутьме спальни, не случайно, не повернувшись спиной. Прямо.

Это тоже было слишком поздно.

И все же было.

— Мое обращение сорвалось, — сказал он.

— Первый раз за всю жизнь.

— Совет считает, что это связано со мной?

— Совет считает, что после развода нарушился баланс печати.

Арина усмехнулась.

— Красивое выражение. Почти не слышно слова «солгали».

Дамиан сжал пальцы на подлокотнике.

— Я не знал.

— Чего именно?

— Что твоя кровь была частью удерживающей печати.

Комната стала холоднее.

Арина услышала за дверью едва заметное движение. Ливия, наверное, тоже услышала.

Она медленно опустила руку.

— Значит, ты уже знаешь.

— С сегодняшней ночи.

— От кого?

— От лекаря.

Он увидел откат. Потом от Салкрофта. Частично.

— Частично?

Дамиан усмехнулся без радости.

— Он умеет говорить так, чтобы даже правда выглядела как милость.

Арина почти удивилась.

Такая фраза могла принадлежать ей.

— И что именно он сказал?

— Что твоя кровь стабилизировала родовую печать Ровенхольдов. Что брак был заключен с учетом совместимости. Что после расторжения стабилизация прекратилась.

— С учетом совместимости, — повторила Арина.

— Еще одно красивое выражение. Мне в день свадьбы никто не сказал, что меня выдают не замуж, а в работу.

Дамиан поднял голову.

— Мне тоже.

— Но ты был главой рода.

— Мне было двадцать пять.

— А мне семнадцать.

Он замолчал.

На этот раз ответить было нечего.

Арина посмотрела на свои пальцы. Чернила под ногтем, тонкая складка манжета, светлая кожа с красным следом от вчерашнего ожога. Странно, как быстро тело запоминает новую правду. Еще вчера это была просто рука без браслета. Сегодня — доказательство чужой лжи.

— Я нашла записи, — сказала она.

— Женщины без проявленного дара. Браки с драконами.

Разводы после обвинений в ослаблении силы. Серебряные отметки на полях.

Дамиан медленно выпрямился.

— Какие женщины?

— Разные. Из младших ветвей. Из бедных родов. Иногда из семей без политической защиты. Все официально пустые. Все, похоже, удерживали что-то, о чем им не говорили.

— Сколько?

— Пока нашла девять. Уверена, их больше.

В его глазах появился тот самый холод, от которого в прежней жизни Арине становилось неудобно. Только теперь он был направлен не на нее.

— Салкрофт.

— Возможно.

Но не только он. Этой системе больше лет, чем его должности.

Дамиан поднялся слишком резко и тут же схватился за край стола.

Арина дернулась вперед прежде, чем успела остановить себя.

— Не надо, — сказал он сквозь зубы.

— Что именно?

— Смотреть так, будто я сейчас упаду.

— А ты не упадешь?

Он с усилием отпустил стол.

— Нет.

— Упрямство не заменяет крылья.

Фраза вырвалась сама.

Дамиан посмотрел на нее.

И вдруг коротко, почти беззвучно усмехнулся.

Не весело. Скорее болезненно. Но впервые за долгое время его лицо стало живым не от гнева.

— Ты всегда так говорила? — спросил он.

— Как?

— Точно.

— Нет. Раньше я говорила удобно.

Усмешка исчезла.

— Арина...

— Не надо снова произносить мое имя так, будто оно должно смягчить разговор.

Он прикрыл глаза на мгновение.

Когда открыл, в них стало меньше гордости. Не исчезла — нет. Такая гордость не уходит за одну ночь. Но она отступила достаточно, чтобы освободить место чему-то более честному.

— Ты права, — сказал Дамиан.

Арина молчала.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы принять простоту этих слов.

Не оправдание.

Не «но».

Не «ты не понимаешь».

Просто: ты права.

— После развода хуже стало мне, — продолжил он.

— Не тебе. Я почувствовал откат еще в Зале Крыльев, когда с тебя сняли браслет. Думал, это обычный разрыв печати. Ночью понял, что ошибся. Дракон не вышел.

Он...

— Дамиан запнулся.

Для него это было хуже признания политической слабости.

Говорить о внутреннем драконе у северных родов было почти неприлично. Его показывали в битве, на церемониях, в небе над городом. Но не описывали боль. Не признавались, что зверь внутри может быть ранен, заперт, сломан.

— Он будто ударился о стену внутри меня, — сказал Дамиан наконец.

— Крылья начали раскрываться и исчезли. Не сложились. Не сгорели. Их словно стянуло чем-то серебряным. Я не смог удержать форму.

Арина вспомнила рваные тени на камне.

— Больно?

Он усмехнулся одними губами.

— Да.

— Хорошо.

Дамиан резко поднял взгляд.

Арина выдержала его.

— Не потому, что больно, — сказала она.

— Потому что ты сказал правду.

В его лице что-то дрогнуло.

— Я должен был сказать ее раньше.

— Да.

— Я должен был усомниться в заключении Совета.

— Да.

— Я должен был защитить тебя в зале.

— Да.

Каждое «да» падало между ними как камень.

Не для того, чтобы добить.

Чтобы построить границу там, где раньше был туман.

Дамиан стоял очень прямо.

— Я не могу изменить вчерашний день.

— Нет.

— Но могу попытаться исправить то, что началось раньше.

Арина тихо рассмеялась.

— Ты даже сейчас говоришь так, будто речь о задаче Совета. Исправить. Урегулировать. Вернуть баланс.

Он нахмурился.

— А как я должен говорить?

— Не знаю.

Но точно не так, будто я документ с поврежденной печатью.

Он провел ладонью по лицу.

Жест усталый, почти человеческий.

— Я плохо умею это.

— Что?

— Просить не как глава рода.

Арина посмотрела на него и вдруг увидела не только мужчину, который ее обидел. Увидела мальчика двадцати пяти лет, которому восемь лет назад тоже не объяснили всей правды, потому что он уже был слишком удобен для чужих решений. Это не оправдывало его. Ничего не оправдывало. Но делало картину опасно сложной.

Она не хотела сложности.

Хотела чистой злости.

Злость держала спину прямой.

Сложность заставляла думать.

— Учись, — сказала она.

Дамиан медленно кивнул.

— Прошу тебя присутствовать при проверке проклятия.

— Почему?

— Потому что без тебя печать рвется.

— Неправильный ответ.

Он застыл.

Арина обошла стол и подошла к окну. С улицы поднимался шум вечернего города: колеса, голоса, крик торговца горячими каштанами, топот лошадей. Обычная жизнь продолжалась, будто вчера в Зале Крыльев никого не выжигали из чужой фамилии.

— Попробуй еще раз, — сказала она.

— Что ты хочешь услышать?

— Не то, что удобно лекарям. Не то, что нужно твоему дракону. Не то, что поможет Совету закрыть дыру в печати. Почему ты просишь меня прийти?

Дамиан молчал так долго, что Арина решила: не сможет.

Потом он сказал:

— Потому что я хочу знать, что с тобой сделали.

Она обернулась.

— Со мной?

— И со мной.

Но сначала с тобой. Потому что ты была в этом браке слабой стороной, а я позволил всем делать вид, что слабость — это вина.

Арина почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Не прощение.

Нет.

Но правда иногда опаснее ласки.

Она подходит ближе не к сердцу, а к той двери, которую ты сама забила досками, чтобы не ждать невозможного.

— Это уже лучше, — сказала она.

Дамиан не расслабился.

— Ты придешь?

— Не так быстро.

Он почти улыбнулся. Устало, краем губ.

— Я почему-то так и подумал.

— У меня будут условия.

— Говори.

— Первое: я не возвращаюсь в резиденцию как бывшая жена, которую можно поставить в угол и вызывать, когда нужно.

— Согласен.

— Не перебивай. Я еще не закончила.

Он замолчал.

Арина продолжила:

— Второе: мне предоставляют отдельные покои, куда никто не входит без моего разрешения. Ни слуги, ни советники, ни ты.

Дамиан кивнул.

— Третье: Ливия остается при мне. Ей обеспечивают безопасность, жалование и право уйти в любой момент.

— Согласен.

— Четвертое: у меня будет доступ к брачному договору, старым приложениям, медицинским заключениям по твоей печати и всем документам, где упоминается моя кровь.

— Часть этих документов закрыта Советом.

— Тогда открой.

— У меня нет полного доступа.

— Значит, получи.

Он сжал челюсть.

Но кивнул.

— Пятое: проверка проводится при независимом свиде-

теле. Господин Тарвик подойдет.

Снаружи, за дверью, что-то тихо скрипнуло.

Арина почти видела, как архивариус замер.

Дамиан перевел взгляд на дверь.

— Архивариус?

— Он знает больше, чем говорит, но хотя бы не делает вид, что это прилично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.